

Л.В. Ланник, К.А. Тарасов

ФИНАНСИСТ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ. ПРОГЕРМАНСКИЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ К.И. ЯРОШИНСКОГО В 1918 г.

***Аннотация.** Данная статья посвящена контактам между германскими дипломатическими представителями и российским финансистом К.И. Ярошинским в 1918 г. В годы Первой мировой войны, даже после падения монархии, предприниматель занимался скупкой контрольных пакетов акций основных российских коммерческих банков. После Октябрьского переворота реализация его масштабного финансового проекта стала зависеть от свержения большевиков. Ярошинский предлагал свои услуги немцам по осуществлению контроля над крупнейшими банками России, что должно было уберечь их активы от национализации. Кроме того, он обещал создать прогерманское правительство, которое не стало бы пересматривать итоги Брестского мира. В ответ от немцев требовалось направить свои войска против Петрограда, изгнать большевиков и провозгласить монархию. Пусть и не сразу, но германские эмиссары поддержали проект и доложили о нем в Берлин. Однако все же в руководстве Германии возобладали сторонники поддержания мира на Востоке. Проект не был реализован, а сам Ярошинский вынужден был покинуть Советскую Россию под угрозой ареста.*

***Ключевые слова:** К.И. Ярошинский; антибольшевистское движение; Первая мировая война; коммерческие банки; национализация; германская дипломатия; Восточная политика Германии.*

Ланник Леонтий Владимирович – кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.
Россия, Москва.
E-mail: leo-lannik@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: ABD-9832–2020

Тарасов Константин Андреевич – кандидат исторических наук,
научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.
Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: senderkeeper@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAL-5906–2021

Lannik L.V., Tarasov K.A. Counterrevolution's financier. The pro-German political and economic project of Karl Jaroszyński in 1918

Abstract. *The article is devoted to contacts between German diplomatic agents and Russian financier Karl Jaroszyński in 1918. During the First World War, even after the fall of the monarchy, the entrepreneur was buying up controlling stakes in the main Russian banks. After the October coup, the implementation of this large-scale financial project became dependent on overthrowing the Bolsheviks. Jaroszyński offered the Germans his help in taking control over the largest banks in Russia, which was supposed to protect their assets from nationalization. In addition, he promised to create a pro-German government that would not revise the Treaty of Brest. In response, the Germans were required to send their troops against Petrograd, drive out the Bolsheviks, and proclaim a monarchy. Although not immediately, the German emissaries nevertheless supported the project and reported it to Berlin. However, supporters of maintaining peace in the East prevailed in the leadership of Germany. The project was not implemented, and Jaroszyński was forced to leave Soviet Russia under threat of arrest.*

Keywords: *Karl Jaroszyński; anti-Bolshevik movement; First world war; commercial banks; nationalization; German diplomacy; German Eastern policy.*

Lannik Leontiy Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences,
senior researcher at the Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: leo-lannik@yandex.ru
Researcher ID: ABD-9832–2020

Tarasov Konstantin Andreevich – Candidate of Historical Sciences,
researcher at the St. Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences. Russia, St. Petersburg.
E-mail: senderkeeper@mail.ru
Researcher ID: AAL-5906–2021

Большевики и их союзники, пришедшие к власти в октябре 1917 г., никогда не скрывали, что «капиталисты» и «буржуазия» являются их основными противниками. В обращении председателя Совета народных комиссаров к населению уже 5 ноября открыто говорилось: «Вполне понятно, что помещики и капиталисты, высшие служащие и чиновники, тесно связанные с буржуазией, одним словом, все богатые и тянущие руку богатых встречают новую революцию враждебно, сопротивляются ее победе, грозят прекращением деятельности банков, портят или прекращают работу разных учреждений, мешают ей всячески, тормозят ее то прямо, то косвенно» [Декреты Советской власти 1957, с. 50]. Подобные пассажи могут восприниматься как идеологи-

ческие декларации. Конкретные же формы сопротивления советской власти со стороны крупных предпринимателей требуют более внимательного изучения [Шацилло 2008; Rendle 2010].

Данная статья посвящена деятельности Карла Иосифовича Ярошинского, крупного предпринимателя и финансиста. В поле зрения историков он попал почти исключительно как организатор скупки контрольных пакетов российских банков в интересах Великобритании в конце 1917 – начале 1918 г. [Kettle 1981; Фурсенко 1991]. Исключение составляет вышедшая почти 30 лет назад публикация документов, осуществленная Ю.А. Петровым. В ней раскрываются не менее интенсивные контакты К.И. Ярошинского с германскими представителями в мае–сентябре 1918 г. [Русский Вандербильт 1993]. Политические и экономические проекты К.И. Ярошинского, преподнесенные немцам, и их реакция на подобные предложения позволяют расширить представления о направлениях антибольшевистской борьбы и лучше понять тенденции *Ostpolitik*, связанной с имплементацией Брест-Литовского мира.

* * *

Имя Карла Иосифовича Ярошинского даже накануне Первой мировой войны было едва известно. Он был сыном богатого польского землевладельца и сахарозаводчика, после которого унаследовал часть семейного состояния. За годы войны К.И. Ярошинский приумножил свое богатство, занимаясь скупкой и продажей ценных бумаг различных банков и промышленных компаний. К концу 1916 г. он уже являлся одним из самых богатых людей в Российской империи [Шемякин 1959, с. 60; Фурсенко 1991, с. 266; Wasyl 2014]. По заявлению самого Ярошинского, он был лично знаком с царской семьей. Предприниматель финансировал лазарет в Царском селе и состоял помощником коменданта санитарного поезда императрицы Александры Федоровны [Российский Архив 1998, с. 248].

Падение монархии не помешало его кипучей деятельности, даже наоборот. Беря кредиты в быстро обесценивающейся валюте, Ярошинский стал скупать предприятия и приобретать концессии. Весной 1917 г. ему удалось завладеть контрольным пакетом акций Русского для внешней торговли банка и значительной частью акций Петроградского Международного банка [Гиндин, Шепелев 1966, с. 37–38]. Такой сравнительно легкий успех в овладении ценными бумагами двух банков, входивших в пятерку крупнейших в России, объяснялся тем, что они имели крайне высокую долю германских капиталов [Бовыкин 2001, с. 170–171]. На эти два банка приходилось 60% от всех германских капиталов в российских кредитных учреждениях [Оль 1922, с. 78]. Значительная часть акционеров являлась германскими подданными, и они не могли участвовать в общих собраниях [Русский для внешней торговли банк 1915, с. 7;

Ган 1917]. Однако полный контроль над Петроградским Международным банком финансисту получить не удалось. В своей деятельности он столкнулся с влиятельной финансовой группой Стахеева-Батолина [Китанина 1969]. Этой группе удалось перекупить часть акций, не дав Ярошинскому завладеть контрольным пакетом [Борьба вокруг 1917; Шатающиеся миллионы 1917].

Даже Октябрьский переворот финансист скорее воспринял не столько как препятствие для реализации своих планов, сколько как новую возможность для них. Нуждаясь в средствах для продолжения своего проекта, в конце ноября 1917 г. Ярошинский предложил представителям Великобритании план скупки контрольных пакетов акций основных российских коммерческих банков, обеспечив тем самым финансирование антибольшевистского движения на Юге, а также – в будущем – контроль английского правительства над экономикой России. В феврале 1918 г. британское правительство предоставило Ярошинскому заем, который позволил финансисту увеличить свои пакеты акций Русского для внешней торговли банка и Петроградского международного банка. Кроме того, он получил право перекупить крупный пакет акций Сибирского банка, приобретенный на имя партнера финансиста из Интеллидженс сервис. Несмотря на то, что первоначальную сделку в полном объеме осуществить не удалось, Добровольческой армии была передана сумма в 15 млн руб. [Фурсенко 1991, с. 271, 279–280].

К этому времени ситуация для Ярошинского, как и других банкиров, стала приобретать опасный характер. 14 декабря 1917 г. советское правительство приняло декрет о национализации. В соответствии с ним банковское дело объявлялось государственной монополией, все частные акционерные банки и банкирские конторы объединялись с Государственным банком, которому передавались все их активы и пассивы. А на следующий день властями был отдан приказ об аресте целого ряда банкиров, в том числе и Ярошинского [Захват банков 1917; Захват частных банков 1917; Набег на банки 1917]. Сотрудник Ярошинского записал в дневнике, что дом финансиста был опечатан, но тот избежал ареста, поскольку ночевал на другой квартире. «Повидимому, Ярошинский вообще теперь боится засиживаться в одном помещении. Он сошелся с английскими капиталистами», – отмечал он [Финдейзен 2016, с. 220].

Затем декрет СНК от 26 января 1918 г. провозгласил, что акционерные капиталы передавались Народному банку, все банковские акции аннулировались, прекращалась и выплата дивидендов. Под угрозой тюремного заключения были запрещены всякие сделки по передаче акций. Но и это, вероятно, не поколебало бы планов Ярошинского. Национализация двигалась медленно, слияние независимых кредитно-финансовых учреждений в единый Народный банк продолжались фактически до конца 1919 г. [Гиндин 1962, с. 134]. Иное дело, что наступление германской армии на Петроград в конце февраля и за-

ключение Брест-Литовского мира в марте 1918 г. вынудило британских партнеров Ярошинского покинуть город или перейти на нелегальное положение.

* * *

В этой ситуации, не разрывая отношений с британцами, Ярошинский начал искать контакты с представителями Германии. Вероятно, определенную роль сыграла весомая доля германских капиталов в банках под контролем предпринимателя. Вместе с тем Ярошинский, стремительно разбогатевший в годы Первой мировой войны, не был известен в германских финансовых и политических кругах. Информация о происходящем в России, в том числе в финансово-экономической сфере, поступала в Германию по различным каналам, в том числе через скандинавские страны. Еще в ходе переговоров в Бресте именно из Стокгольма через занимавшегося там специально российскими проблемами К. Рицлера [Kurt Riezler 1972] последовали первые сообщения о настроениях российских банкиров в связи с шокировавшими их мероприятиями большевиков. Эту информацию очень ждали в германских банках и финансовых ведомствах, где уже в начале января оценивали перспективы будущего мира с Россией и возобновления активного товарооборота, а также капиталовложений и выплат по прежним обязательствам [РА АА. RZ 201/10307. Bl. 119–124].

В те же недели делегация Центральных держав, прибывшая для переговоров о частичной репатриации пленных, вступила в активные и негласные контакты с антибольшевистскими силами в Петрограде. Прямых доказательств их консультаций с Ярошинским или его эмиссарами нет и не могло быть, поскольку в секретных отчетах старались не называть конкретные фамилии [Baumgart 1968]. Однако в дальнейшей истории прогерманских кругов подполья заметны следы контактов, продолжавшихся несколько недель в начале 1918 г. [Михайловский 1993, с. 44–47, 60–62, 74–91]. С разрывом переговоров в Брест-Литовске и отъездом делегаций Центральных держав 13–14 февраля 1918 г. данный первичный канал связи между германскими инстанциями и антибольшевистскими силами в Петрограде оборвался.

Интерес к антибольшевистским проектам российских финансистов и их германских партнеров из военно-дипломатической среды подстегнуло подписание, а затем быстрая ратификация Брестского мира. Многие германские магнаты и держатели российских ценных бумаг ожидали возобновления выплаты по обязательствам, реституции или хотя бы масштабной компенсации за утерянную собственность, оставшуюся на подконтрольной (и пока быстро сокращавшейся) большевикам территории [Menzel 1931, s. 42–45]. Некоторое время в Кайзеррейхе полагали, что курс на выполнение Брестского мира, взятый большевиками с середины марта, несмотря на тяжелейший внутри-

политический кризис и давление Антанты, покончит с шансами на возвращение России в стан «союзников», а потому открывались и более широкие перспективы глобального передела собственности.

Задумывались об этом и российские магнаты, тем более что сигналы от германских финансистов поступали по различным каналам. Во-первых, финансовый вопрос был немедленно поставлен перед прибывшим в Берлин в конце апреля 1918 г. советским полпредом А.А. Иоффе. Он вынужден был срочно запросить содействия со стороны находившегося в Стокгольме Б.А. Каменки, бывшего председателя правления крупнейшего Азовско-Донского банка. По мнению Иоффе, только такой эксперт мог бы выдержать давление германских банкиров [Брестский мир 2022, с. 354–358]¹. Каменка выразил готовность к переговорам, завязалась переписка [RZ 201 / 10099. Вл. 73–74; RZ 201 / 2001. Вл. 167]. Вскоре немцы стали готовить первые экспертные финансовые миссии в Россию, о чем заинтересованные лица не могли не знать. Во-вторых, в Москве и в Петрограде открылись германские дипломатические представительства. От них антибольшевистские силы ожидали очень много. Их надежды весьма подогрел гетманский переворот в Киеве в конце апреля, в котором видели образец скорого неминуемого свержения большевиков и замены их прогерманским правительством консервативной ориентации².

* * *

Планируя несмотря ни на что реализовать свой финансовый проект по скупке контрольных пакетов российских банков, Ярошинский, по воспоминаниям его тогдашнего компаньона В.М. Вонлярлярского, «организовал получение политических сведений, как от союзников, так и от германцев» [Вонлярлярский 1939, с. 229]. Важнейшим источником об этой деятельности являются показания бывшего гвардейского офицера А.А. Кованько по делу «Весна» в 1930 г. Он писал: «У Вонлярлярского был штаб Ярошинского. Ярошинский хотел иметь, как я понимаю, для своих финансовых целей информацию о положении вещей, о настроениях и проч[ее]». Именно для этих целей финансист собрал вокруг себя группу из Вонлярлярского, а также бывших офицеров во главе с П.П. Дурново [Тинченко 2000, с. 397]. Характеризуя в целом деятельность этой группы, Кованько писал, что она «преследовала цели подготовить интервенции, таким путем восстановить монархию» [Тинченко 2000, с. 398]. Для этого группа занималась «обработкой нужных

1. О настойчивости германских банкиров речь идет и во втором докладе Иоффе из Берлина от 3 мая [Доклад А.А. Иоффе].

2. О реакции на переворот и об оценках в нем германской роли и целей [Ланник 2020а; Машкевич 2020].

авторитетов к приходу немцев в Петроград» [Тинченко 2000, с. 401–402]. По указанию Дурново некоторым известным деятелям царского периода передавались деньги [там же, с. 397, 401]. Большую сумму Ярошинский выделил и семье великого князя Павла Александровича [Princesse Paley 1923, p. 164.]. Великий князь мыслился многими, в том числе немцами, если не в качестве нового потенциального монарха для России, то по крайней мере в качестве диктатора. Наконец, следует отметить, что предприниматель согласился помочь семье бывшего императора. В середине января 1918 г. он смог передать в Тобольск крупную сумму [Российский Архив 1998, с. 176, 186, 248]. Возможно, этот поступок также был частью политического проекта Ярошинского о восстановлении монархии после свержения большевиков. Но реализовать эти большие планы без крупной военной силы было попросту невозможно.

Именно через П.П. Дурново Ярошинский наладил контакты с прибывшим в Москву 24 апреля германским послом графом В. фон Мирбахом. Бывший офицер выделялся среди многочисленных посетителей графа тем, что намеревался передать письмо великого князя Павла Александровича лично кайзеру. Дипломат, ехавший в Москву с уверенностью в необходимости взаимодействия с большевиками, отнесся к инициативе петроградских монархистов скептически, а вот военные симпатизировали коллегам значительно больше. Уже 19 мая Дурново прибыл в Главнокомандование германских войск на Востоке в Ковно. После консултации с офицером запросили позицию германской Ставки, куда на рассмотрение Людендорфу был направлен меморандум Дурново. Благодаря настойчивым усилиям главы германского внешнеполитического ведомства Р. фон Кюльмана удалось парировать эту апелляцию к кайзеру, который пока что отнесся к предлагаемой внезапной оккупации Петрограда скептически [РА АА. RZ 201 / 2002. Вл. 4–6, 9–10b, 120–121a; RZ 201 / 10685. Вл. 276, 288]. Отсутствие быстрой реакции на высшем уровне охладило пыл Дурново и стоявшего за ним Ярошинского, ведь они не знали о том, что с поданным полковником меморандумом ознакомился и заинтересовался им Э. Людендорф. Истинный глава германской Ставки уже 28 мая 1918 г. запросил дополнительные сведения о названном в этом документе по фамилии (что было крайне рискованно даже с учетом дипломатических каналов передачи) российском банкире, которого в нем расхваливали как истинного друга императорской фамилии и убежденного германофила [РА АА. RZ 201 / 10102. Вл. 249–256].

Неудача в попытке поскорее добиться высочайшей поддержки не смутила истинного организатора предприятия, ведь Ярошинский пытался наладить каналы с Мирбахом, а через него с берлинскими ведомствами и по другим каналам. Первое донесение посла в Москве, в котором упоминался финансист, было направлено рейхсканцлеру 24 мая 1918 г. Из него можно узнать, что

бывшие противники группы Ярошинского и Стахеева-Батолина в новых условиях пошли на соглашение и совместно осуществляют контроль над девятью банками. Мирбах с подозрением отнесся к предложениям посланников финансиста. Посол отмечал, что скупка акций крупнейших банков происходит на французские, британские и американские деньги. Дипломат не исключал, что Ярошинский «надеется в данный момент обеспечить свои интересы с помощью Германии и хочет расстаться с противной стороной, или стремится застраховать свои интересы с помощью обеих сторон» [Русский Вандербильт 1993, с. 148]. Последнее предположение находит свое подтверждение в свидетельствах Вонлярлярского. По крайней мере, судя по его воспоминаниям, рассматривались оба варианта развития событий: «Кто бы ни овладел положением, союзники ли, или немцы, Ярошинский, а следовательно я, сохранили бы крупное финансовое положение в России, т. к. в то время масса промышленных предприятий была сосредоточена в банках, большинством акций которых владел Ярошинский» [Вонлярлярский 1939, с. 230–231].

В начале июня деятельность вокруг финансовых инициатив резко активизировалась: сказались запросы о дополнительной информации и из германского Верховного командования, и из банковских кругов, общее ощущение недостатка сведений о Ярошинском. Кроме того, возникла необходимость отправки специальных финансовых миссий в Москву, где все новые посетители приходили к Мирбаху, и в Петроград, где у прибывшего только что консула М. Бирманна побывал, например, крупный финансист И.П. Манус [РА АА. RZ 201 / 10308. Вл. 26–33]. Степень недоверия к почти неизвестному до войны королю спекуляции Ярошинскому была слишком высока, ведь его подозревали в попытке вызволить с германской помощью и средства на благо Антанты. Тем более что готовность к сотрудничеству изъявляли имевшие крепкие связи с Россией до войны дельцы. Крупнейшим банкам Кайзеррейха нужны были более надежные эмиссары. 16–17 июня было решено отправить советника коммерции Альфреда Кона. Подготовка его миссии заняла еще около 2 недель.

* * *

За полтора месяца с середины мая по начало июля положение Советской России значительно ухудшилось, а Мирбах серьезно изменил свою первоначальную позицию, все активнее (при поддержке Рицлера) склоняясь к поддержке антибольшевистских сил. Посол обратил особенное внимание на Правый центр, представители которого убеждали его в легкости свержения Совнаркома [Bothmer 2010]. Активной реализации этих планов постоянно противился глава германской дипломатии Р. фон Кюльман, однако с 24–25 июня его позиции были подорваны резким правительственным кризисом и

конфликтом с Людендорфом. В таких обстоятельствах нарастало своеволие Мирбаха и Рицлера, которые продолжали развивать контакты с противниками большевиков практически строго вопреки указаниям прямого начальства, готовя одновременный мятеж в обеих столицах, пытаясь наладить связи с представителями Сибири и т.д. В отчетах Мирбаха уже постоянно упоминался Ярошинский, а также описывались его масштабные связи в деловом мире. Кюльман отвечал послу, что следует непременно дожидаться прибытия в Москву А. Кона, миссия которого носит инспекционный характер, но он ни в коем случае не давал сигнала к началу реализации предложенного российским финансистом масштабного проекта [РА АА. RZ 201 / 10308. Bl. 41–58].

Такое внимание к Ярошинскому объяснялось тем, что его планы были поистине грандиозными. Он не просто стремился передать контроль над банками, которые советское правительство уже объявило национализированными, в обмен на германские гарантии их защиты от действий большевиков. В своем донесении рейхсканцлеру 20 июня 1918 г. Мирбах чуть ли не с восторгом писал: «Ярошинский разработал почти титаническую программу: он хочет предоставить нам полную власть над российским центром³, Треповым, Коковцовым, Кривошеиным и tutti quanti [и всеми остальными (итал.). – Л. Л., К. Т.], с помощью находящихся в его распоряжении средств, посадить на нашу цепь полностью американизированный банковский аппарат, держать министров в подчинении, избавиться от противников, финансировать партии и передать в распоряжение газетные тресты» [Baumgart 1968, S. 93]. По словам Мирбаха, его собеседник не только был против пересмотра Брестского мира, но «больше всего он хочет, и лучше раньше, чем позже, германского вторжения и монарха, к ногам которого вновь послушно упадет святая Русь» [там же].

Может показаться удивительным, что германские представители с большим энтузиазмом принимали проекты Ярошинского. Однако, во-первых, нужно иметь в виду, что это были не единственные переговоры, шедшие в тот же период. Именно в последние дни июня П.Н. Милюков и прибывший, по-видимому, через Берлин несостоявшийся помощник советского полпреда банкир Б.А. Каменка вели консультации в Киеве с офицерами штаба группы армий Эйхгорна [Дневник П.Н. Милюкова 2004, с. 32–39, 51–53, 79–83]. Создавалось впечатление наличия громадного консорциума финансистов и политиков, способных по договоренности с германскими инстанциями добиться радикальных перемен на всем пространстве Российской империи.

Во-вторых, планы Ярошинского не были основаны только на бурной фантазии предпринимателя, они имели серьезное основание. По свидетельству

3. Вероятно, имеется в виду Правый центр.

В.Б. Лопухина, в Совет по управлению делами Ярошинского в качестве членов входили бывший председатель Совета министров Российской империи В.Н. Коковцов⁴ и бывший директор Департамента полиции А.А. Лопухин [Лопухин 2009, с. 321, 322.]. Кроме того, на средства банкира был создан «Союз международных торговых товариществ». Председателем его Совета стал последний царский министр иностранных дел Н.Н. Покровский, а среди членов числились другие крупные чиновники и бывшие министры [Лопухин 2009, с. 331, 427]. В литературе можно встретить утверждение, что делами предпринимателя ведали пять бывших министров и десять бывших сенаторов [Wasył 2014, S. 135]. Иными словами, Ярошинский буквально содержал целое «теневое» правительство, которое мог использовать для своих политических целей. К этому стоит добавить связи среди бывшей царской элиты и финансовая помощь великому князю Павлу Александровичу и царской семье, о которой говорилось выше.

* * *

Между тем время работало вовсе не в пользу планов Ярошинского, хотя падения большевиков ожидали чуть ли не со дня на день. Национализация банковской системы хоть и медленно, но продвигалась. 28 мая в Петроградском международном коммерческом, а 12 июля в Русском торгово-промышленном банках уже были созданы технические коллегии, руководившие ликвидацией дел перед слиянием с Народным банком [Гиндин 1962, с. 134]. 28 июня 1918 г. было отдано распоряжение наркома финансов, в соответствии с которым все акции, квитанции и процентные бумаги, не зарегистрированные в отделении Народного банка, считались аннулированными и не подлежали приему [История Министерства финансов 2002, с. 172]. Щедро подлило масла в огонь и опубликование в тот же день декрета Совнаркома о национализации крупной и части средней промышленности, а также предприятий железнодорожного транспорта⁵.

В этот же период советские инстанции заинтересовались деятельностью крупных петроградских банкиров, выводивших свои финансы за пределы Советской России, прежде всего в независимую Украинскую державу и в Си-

4. По воспоминаниям В.Н. Коковцова, в начале марта 1918 г., находясь в Кисловодске, он получил письмо с извещением об избрании его председателем Союза защиты русских интересов в Германии. В Петроград бывший министр прибыл только в конце мая, потом некоторое время находился под арестом [Коковцов 1933, с. 431, 444].

5. Впрочем, это распоряжение было сделано в контексте начавшихся в Берлине важнейших консультаций по заключению будущего Добавочного договора [Baumgart 1969; Ватлин, Ланник 2021].

бирь. Среди них упоминалось и имя Ярошинского. 4 июля 1918 г. один из ключевых фигурантов дела, И.П. Манус, был арестован Петроградской ЧК. Его напрямую обвиняли в нарушении декрета о сделках с акциями и другими ценными бумагами [Лизунов 2007].

Последовавший с 4 июля 1918 г. водоворот военно-политических событий в Советской России и в Германии, а также на фронтах Первой мировой и Гражданской войн резко деформировал и затянул дальнейшее развитие намерений Ярошинского. Однако отменить их или полностью сорвать не смогла даже эффектная вереница: убийство Мирбаха, левозсеровский мятеж, отставка Кюльмана, острый кризис вокруг требований о вводе германских войск для охраны посольства, мятеж Муравьева, назначение нового главы германской дипломатии П. фон Хинтце, провал германского наступления на Западном фронте, убийство царской семьи, подавление Ярославского восстания, расширение интервенции Антанты на Севере. Рисунок будущего масштабного государственного переворота все усложнялся, его участники и нанимаемые исполнители менялись, объемы и формы германского участия постоянно уточнялись при непременном условии открытой поддержки Кайзеррейхом будущего свержения большевиков. Обстановку в своих донесениях в Берлин нагнетал временно возглавивший посольство К. Рицлер, которому тяжело далась психологическая травма теракта в Денежном переулке. Его всемерно поддерживали военные эмиссары, убеждавшие в необходимости скорейшей военной операции в РСФСР, чтобы упредить в ликвидации Совнаркома Антанту и всех тех, кто пользуется ее поддержкой.

Между тем, едва успели стихнуть бои с левыми эсерами, к полудню 8 июля в Москву прибыл А. Кон. Несмотря на чрезвычайные меры важному германскому эмиссару не посмели чинить препятствий, так что вскоре он провел серию встреч с российскими финансистами. Характерно, что германский эксперт пробыл в Москве не более 3–4 суток, а уже 13 июля был в Петрограде. Здесь вместе со своим коллегой из консульства Г. Трееком до своего отъезда 18 июля он провел новую серию встреч [РА АА. RZ 201 / 10308. Вл. 67–75].

В это же время продолжался интенсивный обмен данными между банками и МИДом в Германии. Это указывает на финальную стадию проверки возможных рисков неких предлагаемых авантур. В эти же дни активно работала германская экономическая миссия в Москве во главе с А. Листом, а в Берлине разворачивались все более головокружительные неофициальные торги советского полпреда с политическими и экономическими представителями Германии [Kessler 2009, S. 438; Gatzke 1957, S. 76–90]. Этому витку интриг положило конец только затянувшееся вступление в должность нового главы внешнеполитического ведомства П. фон Хинтце. Только 19–20 июля он смог постепенно восстановить должное единоначалие в дипломатических инстанциях, а затем парировать наиболее опасные авантюры, подготовленные

Рицлером. Не оправдал надежд Хинтце на быстрое оформление новой советско-германской сделки и новый посол в Москве К. Гельферих, прибывший в столицу Советской России к 29 июля [Ланник, 2020b].

В этот же день в ряде берлинских инстанций получили записку А. Кона от 22 июля с изложением результатов его миссии и переговоров с банкирами [РА АА. RZ 201 / 10308. Bl. 101–121]. Кон сообщал, что намеревался провести переговоры с обеими крупными группировками – Стахеева и Ярошинского, причем с первой он вел консультации с помощью А. Листа и К. Рицлера в Москве (10 июля), не добившись должной ясности и готовности к уточнению всех деталей. С Ярошинским же, которому как раз пока удалось «добиться отмены приказа об его аресте», прошли два совещания в Петрограде. Петроградский финансист еще раньше обсудил ряд деталей с Трееком и теперь произвел на Кона впечатление куда более перспективного делового партнера. Банкир демонстрировал широчайшие политические связи и возможности и настаивал на скорейшей германской интервенции с захватом Петрограда. Вернувшись с большим массивом данных и впечатлений, Кон ожидал в Берлине возможности изложить ряд подробностей и довести операцию до логического финала. Он сообщил и о желании Ярошинского поскорее выехать в Берлин для дополнительных консультаций.

10 августа из имперского казенного ведомства ответили, что особенных перспектив в отчете Кона не просматривается. Причины этой очередной неудачи Ярошинского организовать германскими силами перераспределение собственности и власти в Советской России, добившись этого по финансовой линии, были различного рода. Даже в отчете Кона говорилось о склонности финансиста к попыткам спекулировать акциями при этой крупнейшей сделке в его жизни. Никуда не исчезло и прежнее недоверие к Ярошинскому, которого подозревали в работе на Антанту. Однако главным фактором стало то, что Хинтце удалось пресечь антибольшевистский курс Рицлера и поддержавшего его нового посла Германии в Москве.

Глава МИД Германии смог добиться отъезда «для доклада» Гельфериха вечером 6 августа. Затем к концу августа в сложной серии интриг Хинтце смог парировать негативные последствия выезда основной части посольства в Петроград 7–9 августа [РА АА. RZ 201/ 2009]. Едва ли приходится сомневаться в том, что Рицлер, вывозя – по указанию Гельфериха и вопреки приказу Хинтце – посольство из Москвы в Петроград, рассчитывал застать в старой столице начало антибольшевистского переворота при участии германских войск в рамках спешно готовившейся в те дни операции «Шлюсштайн» [Baumgart 1970]. Он был готов быстро выехать из Петрограда, чтобы не подвергать германских подданных риску, однако твердо рассчитывал на радикальные перемены в обстановке в ближайшее время. Тем удивительнее для него и его единомышленников оказалось срочное распоряжение о выезде (менее чем через сутки) в

Финляндию, а оттуда в Ревель. Затем под жестким давлением Хинтце часть посольства надолго остановилась в Пскове, обозначая продолжение дипломатических отношений между Кайзеррейхом и Советской Россией.

* * *

С середины июня 1918 г. обстановка в Петрограде становилась все более опасной. В городе прошли массовые аресты, в газетах появились объявления о расстрелах. На фоне ожидания скорого германского наступления на Северо-Западе и инцидентов в Финском заливе отъезд Гельфериха, а затем и всего посольства мог трактоваться как открытый разрыв между Москвой и Берлином. В отсутствии влиятельных покровителей можно было ожидать начала жестких репрессий против всех заподозренных в связях с германскими эмиссарами. Вместе с тем никаких позитивных сигналов для Ярошинского от финансовых инстанций Германии за это время получено не было. По-видимому эта совокупность факторов повлияла на решение финансиста покинуть Советскую Россию.

13 августа 1918 г. атташе генконсульства в Петрограде Треек дал телеграмму о том, что он прибыл с Ярошинским в Псков, а теперь просит заказать номера в берлинских гостиницах. В столицу Германии они планировали прибыть утром 15 августа [РА АА. RZ 201 / 2009. Вл. 273]. Таким образом, Ярошинский мог покинуть Петроград вместе с германским посольством еще 10 августа. В таком случае он проделал весь путь через Финляндию в Ревель, а затем в Псков, куда кайзеровские дипломаты прибыли 13–14 августа [РА АА. RZ 201 / 10936. Вл. 141–190]. Однако русский финансист вполне мог выехать из Петрограда с Трееком и отдельно, добившись санкции на поездку в германскую столицу. Детали и продолжительность берлинской миссии Ярошинского пока выяснить не удалось, однако не позже середины сентября 1918 г. он уже находился в Киеве. Там он снова встречался с дипломатическими представителями Германии, предлагая свою финансовую помощь и связи для свержения большевиков и восстановления монархии [Русский Вандербильт, с. 154].

* * *

Вполне вероятно, что политико-экономический проект Ярошинского был лишь одним из многих вариантов антибольшевистского переворота, рассматривавшихся весной-летом 1918 г. крупными предпринимателями. Известно, что некоторые из них вели переговоры с представителями Антанты или Центральных держав. Случай Ярошинского дает возможность оценить мотивы и возможности реализации аналогичных инициатив.

Долгое время петроградский финансист не связывал себя с определенной внешнеполитической ориентацией. Он выбирал, кому будет более выгодно продать свой проект, лавируя, как и многие другие политические деятели того периода. В случае реализации плана Ярошинский не только увеличивал свое богатство и упрочивал финансовое положение, что явно являлось одной из основных его целей. Предприниматель получил бы и колоссальное политическое влияние. С одной стороны, Ярошинский мог рассчитывать на вознаграждение своих услуг со стороны победителей большевиков, будь то «союзники» или немцы. Вместе с тем он выглядел бы спасителем в глазах прежней элиты, которую поддерживал в сложный период и смог бы вернуть утраченный статус. Тем самым финансист, которого многие считали выскочкой, утвердил бы собственное положение в высшем обществе. Важнейшим компонентом данного плана являлось свержение советской власти и восстановление монархии. При большевиках Ярошинского ждали только национализация всех активов и неминуемый арест. В этом смысле даже его последовательный антибольшевизм мог являться лишь более выгодной политической позицией для осуществления финансовой стратегии.

Возможность реализации подобных проектов напрямую зависела от непредсказуемой внутренней и внешней ситуации. В первой половине 1918 г. далеко не очевидна была вероятность свержения советской власти на окраинах страны и складывания фронтов Гражданской войны. В этот период антибольшевистское подполье готовилось собственными силами совершить переворот в Петрограде, Москве и других крупных городах. Успех такого предприятия связывался с военной, экономической или хотя бы моральной поддержкой со стороны Антанты или Центральных держав. Однако и та, и другая внешнеполитическая ориентация осложнялась противоречивыми действиями представителей блоков в Советской России. Курс Антанты на ограниченное сотрудничество с большевиками для восстановления Восточного фронта сменился открытой интервенцией. Германские же дипломатические и военные эмиссары, не симпатизировавшие большевикам, стремились к контактам с подпольем, внимательно относились к проектам по свержению советской власти. Вместе с тем такие инициативы пресекались в Берлине, чтобы сохранить хрупкое равновесие на Востоке.

Бегство Ярошинского из Петрограда оказалось крайне своевременным. В сентябре 1918 г. большевики объявили красный террор, массовые аресты привели к рассеиванию антибольшевистского подполья, многие его деятели вынуждены были бежать за пределы Советской России. Помощь в отъезде со стороны кайзеровских дипломатов приостановило сложное маневрирование Ярошинского между воюющими коалициями. Однако выбор этот был сделан неудачно, поскольку к концу августа наметилось крушение Центральных держав, что на оккупированных Германией территориях было очевидно дале-

ко не всем. Накануне финала Великой войны игра вокруг громадных активов на территории бывшей Российской империи была далеко не окончена. Условия будущего всеобщего мира относительно Востока предугадывались с трудом, а шансы на продолжение германской оккупации и дальнейшее существование кайзеровских сателлитов (в первую очередь гетманской Украины) оценивались достаточно высоко. Это оставляло Ярошинскому шансы на новые проекты, к реализации которых он вскоре приступил с помощью германского посольства в Киеве.

Библиография

- Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2001. 318 с.
- Борьба вокруг Петроградского международного банка (по телефону) // Коммерческий телеграф. 1917. 8 августа.
- Брестский мир: пролог, заключение, итоги: сб. док-тов / Отв. сост. А.В. Репников, А.В. Борисова, Л.В. Ланник. М.: РОССПЭН, 2022. 839 с.
- Ватлин А.Ю., Ланник Л.В. Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208–230.
- Вонлярлярский В.М. Мои воспоминания, 1852–1939 гг. Берлин: Русское национальное издательство, 1939. 253 с.
- Ган А. Борьба двух финансовых групп (вокруг пакета Петроградского Международного Банка) // Коммерческий телеграф. 1917. 19 октября.
- Гиндин А.М. Как большевики национализировали частные банки. М.: Госфиниздат, 1962. 143 с.
- Гиндин И.Ф., Шепелев Л.Е. Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Исторические записки. 1966. Т. 66. С. 20–95.
- Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1957. Т. I: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. 626 с.
- Дневник П.Н. Милюкова / Сост. Н.И. Канищева. М.: РОССПЭН, 2004. 845 с.
- Доклад А.А. Иоффе, 3 мая 1918 // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 028. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 16–24.
- Захват банков // Наш век. 1917. 15 декабря.
- Захват частных банков // Петроградский голос. 1917. 15 декабря.
- История Министерства финансов России: в 4 т. М.: ИНФРА-М, 2002. Т. II. 509 с.
- Китанина Т.М. Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг.: Концерн Путилова-Стахеева-Батолина. Л.: Наука, 1969. 180 с.
- Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919: 2 кн. Париж: Издание журнала иллюстрированная Россия, 1933. Кн. 2. 504 с.
- Ланник Л.В. Германский фактор в государственном перевороте на Украине (апрель 1918 г.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 3 (89). URL: <https://history.jes.su/s207987840009171-7-1> (дата обращения: 04.05.2022).
- Ланник Л.В. Миссия Гельфериха в Москве: забытая флуктуация советско-германских отношений летом 1918 г. // Россия и современный мир. 2020. № 4. С. 189–212.
- Лизунов П.В. «Великий Манус»: Взлет и падение петербургского биржевого короля // Английская набережная, 4. СПб.: Лики России, 2007. С. 279–312.

- Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб.: Нестор-История, 2009. 536 с.
- Машкевич С.В. «Wir werden Ordnung schaffen!» Начало немецкой оккупации Украины, февраль–апрель 1918 г. (по материалам немецких архивов) // Русский сборник. М.: Модест Колеров, 2020. Т. 28: Гражданская война и интервенция в России. С. 240–284.
- Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг.: 2 кн. М.: Международные отношения, 1993. Кн. 2. 686 с.
- Набег на банки // День. 1917. 15 декабря.
- Оль П.В. Иностранные капиталы в России. Пг.: 4-я Государственная типография, 1922. 304 с.
- Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. VIII: Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг. М.: Студия «Тритэ», 1998. 463 с.
- «Русский Вандербильт» и планы германской экспансии после Брестского мира // Отечественная история. 1993. № 5. С. 144–157.
- Русский для внешней торговли банк // Биржа и русская промышленность. 1915. № 35. С. 7.
- Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР, 1930–1931 годы. М.: МНФ, 2000. 496 с.
- Финдейзен Н.Ф. Дневники. 1915–1920. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 428 с.
- Фурсенко А.А. Концерн К.И. Ярошинского в 1917–1918 гг. // Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию со дня рождения Б.А. Романова. СПб.: Наука, 1991. С. 265–287.
- Шатающиеся миллионы // Коммерсантъ. 1917. 25 октября.
- Шацилло М.К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции, 1917 – начало 1920-х годов. М.: Наука, 2008. 341 с.
- Шемякин И.Н. О некоторых экономических предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции // Социалистические преобразования в СССР и их экономические предпосылки. М.: [б/и], 1959. С. 5–71.
- Baumgart W. Die «geschäftliche Behandlung» des Berliner Ergänzungsvertrags vom 27. August 1918. Eine Episode der deutschen Verfassungsgeschichte. Historisches Jahrbuch für den Kreis Herford. 1969. Bd. 89. S. 116–152.
- Baumgart W. Die militärpolitischen Berichte des Freiherrn von Keyserlingk aus Petersburg Januar-Februar 1918 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1967. Bd. 15. Hf. 1. S. 87–104.
- Baumgart W. Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau. April–Juni 1918 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1968. Hf. 1. S. 68–96.
- Baumgart W. Unternehmen «Schlußstein»: zur militärisch-politischen Geschichte des 1. Weltkrieges. Berlin: [k.v.], 1970. 84 S.
- Bothmer K. v. Moskauer Tagebuch 1918 / hrsg. von G. Böhme, bearb. von W. Baumgart. Paderborn u.a.: Schöningh, 2010. 137 S.
- Gatzke H.W. Stresemann und Litwin // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1957. Hf. 1. S. 76–90.
- Kessler H.G. Das Tagebuch 1880–1937: 9 Bde. Bd. 6. Stuttgart: Cotta, 2009. 962 S.
- Kettle M. The Allies and the Russian Collapse. March 1917 – March 1918. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1981. 287 p.
- Kurt Riezler. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / hrsg. von K.-D. Erdmann. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1972. 766 S.
- Menzel C. Das deutsche Vorkriegs-Vermögen in Rußland und der deutsche Entschädigungsvorbehalt. Berlin; Leipzig: De Gruyter, 1931. 236 S.
- Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (PA AA). RZ 201 / 2001.
- PA AA. RZ 201 / 10099.

PA AA. RZ 201 / 10102.

PA AA. RZ 201 / 10307.

PA AA. RZ 201 / 10308.

PA AA. RZ 201 / 10685.

PA AA. RZ 201 / 10936.

PA AA. RZ 201 / 2002.

PA AA. RZ 201 / 2009.

Princesse Paley [O.V.] Souvenirs de Russie. 1916–1919. Paris: Plon- Nourrit, 1923. 319 p.

Rendle M. Defenders of the Motherland: The Tsarist Elite in Revolutionary Russia. Oxford: Oxford University Press, 2010. 274 p.

Wasył F. Karol Jaroszyński (1878–1929) europejski finansista i wizjoner z Kresów // Krakowskie Pismo Kresowe. № 6. 2014. S. 110–118.

References

Baumgart W. Die «geschäftliche Behandlung» des Berliner Ergänzungsvertrags vom 27. August 1918. Eine Episode der deutschen Verfassungsgeschichte. Historisches Jahrbuch für den Kreis Herford. 1969. Bd. 89. S. 116–152.

Baumgart W. Die militärpolitischen Berichte des Freiherrn von Keyserlingk aus Petersburg Januar-Februar 1918. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1967. Bd. 15. Hf. 1. S. 87–104.

Baumgart W. Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau. April–Juni 1918. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1968. Hf. 1. S. 68–96.

Baumgart W. Unternehmen «Schlußstein»: zur militärisch-politischen Geschichte des 1. Weltkrieges. Berlin: [k.v.], 1970. 84 S.

Bor'ba vokrug Petrogradskogo mezhdunarodnogo banka (po telefonu) [Struggle around the Petrograd International Bank (by phone)]. Kommercheskiy telegraf [Commercial Telegraph]. 1917. 8 August. (In Russ.)

Bothmer K. v. Moskauer Tagebuch 1918. Hrsg. von G. Böhme, bearb. von W. Baumgart. Paderborn u.a.: Schöningh, 2010. 137 S.

Bovykin V.I. Finansovyy kapital v Rossii nakanune Pervoy mirovoy voyny [Financial capital in Russia on the eve of the First World War]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 318 p. (In Russ.)

Brestskiy mir: prolog, zaklyucheniye, itogi / [The Brest Treaty: prologue, conclusion, results]. Eds. A.V. Repnikov, A.V. Borisova, L.V. Lannik. Moscow: ROSSPEN, 2022. 839 p. (In Russ.)

Dekrety Sovetskoy vlasti. Moscow: Politizdat, 1957. T. I: 25 oktyabrya 1917 g. – 16 marta 1918 g. [Decrees of Soviet power. T. I. October 25, 1917 – March 16, 1918]. 626 p. (In Russ.)

Dnevnik P.N. Milyukova [P.N. Milyukov's Diary]. Comp. N.I. Kanishchev. Moscow: ROSSPEN, 2004. 845 p. (In Russ.)

Findeizen N.F. Dnevnik. 1915–1920 [Diaries. 1915–1920]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2016. 428 p. (In Russ.)

Fursenko A.A. Kontsern K.I. Yaroshinskogo v 1917–1918 gg. [K.I. Yaroshinsky's Concern in 1917–1918]. Problemy sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Rossii. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya B.A. Romanova [Problems of socio-economic history of Russia. To the 100th anniversary of the B.A. Romanov's birth]. Saint Petersburg, 1991. P. 265–287. (In Russ.)

Gan A. Bor'ba dvukh finansovykh grupp (vokrug paketa Petrogradskogo Mezhdunarodnogo Banka) [Struggle between two financial groups (around the package of the Petrograd International Bank)]. Kommercheskiy telegraf [Commercial Telegraph]. 1917. 19 October. (In Russ.)

Gatzke H.W. Stresemann und Litwin. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1957. Hf. 1. S. 76–90.

Gindin A.M. Kak bol'sheviki natsionalizirovali chastnyye banki [How the Bolsheviks nationalized private banks]. Moscow: Gosfinizdat, 1962. 143 p. (In Russ.)

Gindin I.F., Shepelev L.E. Bankovskiy monopolii v Rossii nakanune Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii [Banking monopolies in Russia on the eve of the Great October Socialist Revolution]. Istoricheskiye zapiski [Historical Notes]. Vol. 66. 1966. P. 20–95. (In Russ.)

Istoriya Ministerstva finansov Rossii [History of the Ministry of Finance of Russia. In 4 vols.]: 4 vol. Moscow: INFRA-M, 2002. Vol. II. 509 p. (In Russ.)

Kessler H.G. Das Tagebuch 1880–1937: 9 Bde. Stuttgart: Cotta, 2009. Bd. 6. 962 S.

Kettle M. The Allies and the Russian Collapse. March 1917 – March 1918. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1981. 287 p.

Kitanina T.M. Voenno-inflyatsionnyye kontserny v Rossii 1914–1917 gg.: Kontsern Putilova-Stakheyeva-Batolina [Military-inflation concerns in Russia 1914–1917: Putilov-Stakheev-Batolin Concern]. Leningrad: Nauka, 1969. 180 p. (In Russ.)

Kokovtsov V.N. Iz moyego proshlogo. Vospominaniya 1903–1919 [From my past. Memoirs 1903–1919]: 2 vol. Paris: Izdaniye zhurnala illyustrirovannaya Rossiya, 1933. Vol. 2. 504 p. (In Russ.)

Kurt Riezler. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente. Hrsg. von K.-D. Erdmann. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1972. 766 S.

Lannik L.V. Germanskiy faktor v gosudarstvennom perevorote na Ukraine (aprel' 1918 g.) [The German factor in the coup d'état in Ukraine (April 1918)]. Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya» [Electronic scientific and educational journal «History»]. 2020 a. Vol. 11. N 3 (89). URL: <https://history.jes.su/s207987840009171-7-1> (date of access: 04.05.2022). (In Russ.)

Lannik L.V. Missiya Gel'ferikha v Moskve: zabytaya fluktuatsiya sovetsko-germanskikh otnosheniy letom 1918 g. [Gelferich's mission in Moscow: the forgotten fluctuation of Soviet-German relations in the summer of 1918]. Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the modern world]. 2020b. N 4. P. 189–212. (In Russ.)

Lizunov P.V. «Velikiy Manus»: Vzlet i padeniye petersburgskogo birzhevogo korolya [«Great Manus»: The Rise and Fall of the St. Petersburg Exchange King]. Angliyskaya naberezhnaya, 4 [Angliskaya Embankment, 4]. Saint Petersburg: Liki Rossii, 2007. P. 279–312. (In Russ.)

Lopukhin V.B. Zapiski byvshego direktora departamenta Ministerstva inostrannykh del [Notes of the former director of the Department of the Ministry of Foreign Affairs]. Saint Petersburg: Nestor-Istoria, 2009. 536 p. (In Russ.)

Mashkevich S.V. «Wir werden Ordnung schaffen!». Nachalo nemetskoy okkupatsii Ukrainy, fevral'–aprel' 1918 g. (po materialam nemetskikh arkhivov) [«Wir werden Ordnung schaffen!». The beginning of the German occupation of Ukraine, February–April 1918 (based on materials from the German archives)]. Russkiy sbornik [Russian collection]. Moscow: Modest Kolerov, 2020. Vol. 28. P. 240–284. (In Russ.)

Menzel C. Das deutsche Vorkriegs-Vermögen in Rußland und der deutsche Entschädigungsvorbehalt. Berlin; Leipzig: De Gruyter, 1931. 236 S.

Mikhaylovskiy G.N. Zapiski. Iz istorii rossiyskogo vneshnepoliticheskogo vedomstva, 1914–1920 gg.: [Notes. From the history of the Russian Foreign Ministry, 1914–1920]: 2 vol. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1993. Vol 2 686 p. (In Russ.)

Nabeg na banki [Raid on banks]. Den' [Day]. 1917. 15 December. (In Russ.)

Ol' P.V. Inostrannyye kapitaly v Rossii [Foreign capital in Russia]. Petrograd: 4-ya Gosudarstvennaya tipografiya, 1922. 304 p. (In Russ.)

Otchet A.A. Ioffe [A.A. Ioffe report] 3 May 1918 // Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [Archive of foreign policy of the Russian Federation]. F. 028. Inv. 1. P. 1. F. 1. P. 16–24. (In Russ.)

Princesse Paley [O.V.] Souvenirs de Russie. 1916–1919. Paris: Plon-Nourrit, 1923. 319 p.

Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (PA AA). RZ 201 / 2001.

РА АА. RZ 201 / 10099.

РА АА. RZ 201 / 10102.

РА АА. RZ 201 / 10307.

РА АА. RZ 201 / 10308.

РА АА. RZ 201 / 10685.

РА АА. RZ 201 / 10936.

РА АА. RZ 201 / 2002.

РА АА. RZ 201 / 2009.

Rendle M. Defenders of the Motherland: The Tsarist Elite in Revolutionary Russia. Oxford: Oxford University Press, 2010. 274 p.

Rossiyskiy Arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. Moscow: Studiya «Trite», 1998. T. VIII: N.A. Sokolov. Predvaritel'noye sledstviye 1919–1922 gg. [Russian Archive: History of the Fatherland in evidence and documents of the 18th–20th centuries. T. VIII: N.A. Sokolov. Preliminary investigation 1919–1922]. 463 p. (In Russ.)

Russkiy dlya vneshney trgovli bank [Russian bank for foreign trade]. Birzha i russkaya promyshlennost' [Stock exchange and Russian industry]. 1915. N 35. P. 7. (In Russ.)

«Russkiy Vanderbilt» i plany germanskoy ekspansii posle Brestskogo mira [«Russian Vanderbilt» and plans for German expansion after the Brest Peace]. Otechestvennaya istoriya [Motherland History]. 1993. N 5. P. 144–157. (In Russ.)

Shatayushchiyesya milliony [Reeling millions]. Kommersant [Merchant]. 1917. 25 October. (In Russ.)

Shatsillo M.K. Rossiyskaya burzhuaziya v period Grazhdanskoy voyny i pervyye gody emigratsii, 1917 – nachalo 1920-kh godov [The Russian bourgeoisie during the Civil War and the first years of emigration, 1917 – early 1920 s]. Moscow: Nauka, 2008. 341 p. (In Russ.)

Shemyakin I.N. O nekotorykh ekonomicheskikh predposylkakh Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii [On some economic prerequisites for the Great October Socialist Revolution]. Sotsialisticheskiye preobrazovaniya v SSSR i ikh ekonomicheskiye predposylki [Socialist transformations in the USSR and their economic prerequisites]. Moscow: [s.n.], 1959. P. 5–71. (In Russ.)

Tinchenko Ya. Golgofa russkogo ofitserstva v SSSR, 1930–1931 gody [Calvary of Russian officers in the USSR, 1930–1931]. Moscow: MNF, 2000. 496 p. (In Russ.)

Vatlin A.Yu., Lannik L.V. Taynyye noty k Dobavochnomu dogovoru 27 avgusta 1918 g.: neizvestnyy syuzhet iz istorii sovetsko-germanskikh otnosheniy na iskhode Pervoy mirovoy voyny [Secret notes to the Additional Treaty of 27 August 1918: an unknown story from the history of Soviet-German relations at the end of the First World War]. Novaya i noveyshaya istoriya [New and Contemporary History]. 2021. N 5. P. 208–230. (In Russ.)

Vonlyarlyarsky V.M. Moi vospominaniya, 1852–1939 [My memoirs, 1852–1939]. Berlin Russkoye natsional'noye izdatel'stvo, 1939. 253 p. (In Russ.)

Zakhvat bankov [Seizure of banks]. Nash vek [Our century]. 1917. 15 December. (In Russ.)

Zakhvat chastnykh bankov [Capture of private banks]. Petrogradskiy golos [Petrograd voice]. 1917. 15 December. (In Russ.)